

ДМИТРИЙ СУХАНОВ

Журавлиный берег детства

Дмитрий Суханов

Журавлиный берег детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32491727

ISBN 9785449057211

Аннотация

Мои стихи о том, что прошло через моё сердце и застряло в памяти, найдя себе уголок в моём сердце, и оно от этого всё чаще стало побаливать. Но боль притупилась, стала привычной оттого, что воспоминания и грустные, и радостные. И уже, как обычно, ждёшь и ищешь в осеннем небе улетающих журавлей, связав с ними и жизнь, и любовь, и родину, и родных и близких людей. А когда они по весне возвращаются, то хочется верить, что жизнь ещё не кончилась и я кричу в весеннее, синее небо – будем жить!!!

Содержание

Сенечка	7
Я встретил её, она шла возле леса	9
На исходе февраля	11
Я слушал ночь	13
Дальний берег снится мне ночами	16
Дело случая	18
Система	20
И неба было мало, и земли	23
Звёзды нам помогут!	25
Небесная звёздочка	26
Новогодние ели	27
Новогодняя полночь	29
Примета	30
Умирают в одиночку	32
Значит и мы разошлись в цене	34
Кораблик из дощечки	36
Печник	38
Совість	39
А я тебя читал	40
Мой воз	42
Письмо	44
Берега судьбы	46
Поздняя жалость	48

Радуйся, радуйся солнышку	50
Лето с синими глазами	52
Пока земля не умерла	54
Остались позади мои золотые годы	56
Другой сорт	58
Забудь про давние печали	60
Судьба, как белая рапсодия	62
Дождливое лето 2003-го	64
Любовью нужно дорожить	66
Ты нас хранишь	69
Как измерить?	70
Ночь прощения	71
Долгий зимний сон	73
Я по земле хожу	75
Альбом	76
Пускай старушка подождёт	79
Бедная калина	82
Вечерний звон и вечные слова	83
Другая тропа	85
Благодарность	87
Чучело	89
Войска дяди Васи	91
Край любви	93
Потянуло на свежее	95
Скоро «Илья»	97
С Праздником Крещения	100

Поезда	102
Зарницы	103
День Казанской иконы Божией Матери. Ярмарка	105
Люди и ветки	109
Свет родимых мест	111
Сенокосная пора	114
Тихий вечер с моей Валюшкой	115
Когда уходят поезда	117
То, что видел ты.	119
Промили	121
Гроза	124
Летние ветра детства	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Журавлиный берег детства

Дмитрий Суханов

© Дмитрий Суханов, 2018

ISBN 978-5-4490-5721-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сенечка

Они не дрались, но не упускали возможности задеть друг друга лапой. Причём Сеня-наш кот, живущий с нами уже порядочно времени, цветом забелённого кофе в полоску, как бы говорил другому нашему коту Боне, которого мы взяли в приюте, дескать знай своё место. А Бонифаций так звали нашего лорда-британца, втягивал голову, кстати довольно большую, и отвечал, а я что, я ничего. Сенечка был простой дворовый кот от нашей кошечки и соседского кота, встречал меня с работы, ложился на спину и катался по земле. Я брал его на руки и нёс домой. Это был, как бы ритуал нашего общения. Кот был своеобразный, не простой. Мог мгновенно заскочить на высокую яблоню, а потом там мяучить, слезать-то труднее. А как он лечил нас. Всегда ложился именно на больное место и нам под его мурлыканье, помогало, боль утихала. Боню мы взяли взамен умершего котика Марсика для Сени, вдвоём как никак веселее жить. Постепенно они попривыкли друг к другу и уже не ссорились по пустякам, обнюхивались-как целовались. Бонифаций ходил медленно, с достоинством, не зря аглицкой породы. Мы боялись, что сорвётся соседская собака и разорвёт его, как Тузик грелку, с его такими доверчивыми глазами. Его мать Дусю, она была с котятами, так бы убежала, Дик разорвал. Что поделаешь, не ведутся у нас кошки, да и собаки тоже.

Бывает чем-то травятся, не от голода, конечно, и приходится выхаживать, лечить. К ним так привыкаешь, что отдаёшь всё, только бы жил. Вот и Сенечка наш расстаял, как свечка.

И лечили, и возили в ветлечебницу, всё напрасно. Умирал тяжело, дождался нас из города, глядел с надеждой, что поможем, да где там. Боня был рядом, лежал и по кошачьи тоже хотел помочь, чувствовал по своему. Похоронил я его у дороги, под нашей ёлкой, рядом с котом Марсиком и собачкой Кузей. Это уже второе, если так можно сказать, захоронение наших животных. У них, как и у людей, есть тоже привычка умирать. И так же по ним мы тоскуем, вспоминаем и плачем. А Боня уже четвёртый день ищет Сенечку и ещё долго будет сидеть на крыльце, как обычно, смотреть в темноту и ждать его. Такова жизнь, мы стареем, болеем, ссоримся, ворчим друг на друга, а случись что, будем смотреть в темноту и так же ждать.

Я встретил её, она шла возле леса

Я встретил её, она шла возле леса,
Махая узорным платком,
За ней паутиной струилась завеса,
Блестая в лучах серебром.

Потом я увидел её на поляне
И где проходила она,
Всё виделось будто бы в лёгком тумане
Из воздуха и серебра.

Пред ней расступались мохнатые ели,
К кустам прикосалась она
И ветки тогда мелодично звенели,
Как будто бы из серебра.

Когда она вышла из леса на поле,
Покрытое белым ковром,
Открылось вдали голубое раздолье,
Сияющее серебром.

Так кто же имеет такое богатство,
Что в нём закупалась сама.
И было не трудно нам всем догадаться,
Да, это, конечно, зима...

На исходе февраля

Зима заскучала, февраль на исходе,
Ну что же, предел есть всему.
Быстрее начнётся движение в природе,
Светлеть станет раньше в дому.

Появится больше цветной акварели,
Напьются хвоею ветра,
Закапают с крыш голубые капли,
Длиннее придут вечера.

Снега разрыхлятся, просядут, промнутя
И лес пробудится от сна.
Быть может морозы ещё и вернуться,
Но всё же приходит весна.

Она не спешит, постепенно ступает
Во всём есть природный закон.
Зима с неохотой ей всё уступает,
Хотя календарь завершён.

Была ведь хозяйкой недавно толковой,
Стелила ковры по полям,
Плела кружева и ковала подковы
На зависть другим ковалям.

Но так происходит, зимою холодной
Погреться так хочется нам,
А лёжа на пляже, в жаре неуёмной,
Тоскуем по белым снегам

И дань отдавая весенней погоде,
Всё будет потом, а пока,
Зима грустила, февраль на исходе
И дремлет под снегом река.

Я слушал ночь

Февральский снег под лунным светом
Лежит в сиянье голубом.
Пока живём на свете этом,
Всегда мы помним о былом.

Всегда мы помним о прошедшем,
Что и сбылось, и не сбылось,
О нём, покой в земле нашедшем,
Что нам бедой отозвалось.

О том, что столько потеряли,
Родных и близких не сочтёшь,
Что снятся нам родные дали
И как без этого живёшь.

И как бы не был чёрств душою,
Оставшись тет а тет с собой,
Вдруг сердце защемит тоскою
О детской мелочи простой.

О первой, может быть, игрушке,
Как папа подарил сачок,
Как в старой бабкиной избушке,
За печкой тренькает сверчок.

Как первый раз залез на ёлку,
А слезть назад уже не мог,
Кричал и плакал, всё без толку,
Пока брат старший не помог.

О том далёком, безвозвратном,
Но о твоём и о моём,
Одним лишь нам с тобой понятном,
О детстве нашем дорогом.

И у тебя душа заплачет
И мелкой станет суета,
А память жизнь переиначит,
Вновь обретётся доброта.

Дай Бог, всё так бы и случилось,
Но время нынче уж не то.
Сейчас не ждём от жизни милость,
Берём не глядя ни на что.

Придёт нелепая обида,
Что честно жить сейчас нельзя,
Ведь деньги есть спасёт Фемида,
Для вида пальчиком грозя.

Уйду в себя, как в сон глубокий,
Что можем мы в своей стране
И вспомню тот февраль далёкий

В моей родимой стороне.

Вот так же звёзды ночь кружила
И охраняла млечный путь,
Искрился снег, луна светила,
Никак мне было не уснуть.
Я слушал ночь душой ребячьей,
Уж сколько лет прошло с тех пор,
Но помню где-то лай собачий
И тихий звёздный разговор.

Дальний берег снится мне ночами

Дальний берег снится мне ночами,
Дальний берег снегом занесён.
Там горит алмазными свечами
На ветру заледенелый клён.

Замела метель пути-дорожки
В одичавшем дорогом краю
И стоит изба на курьих ножках,
Где качали колыбель мою.

Кто-то жил, забитые окошки
Не горят от отблесков зари,
Ни куда не деться старой кошке
И клюют рябину снегири.

Обойду подворье, вспоминая,
Здесь у нас когда-то был плетень,
Вот и метка на стене сарая,
Что ножом царапал целый день.

Старый сад, как царство не живое,
А когда-то радовало взгляд.
Где то время, времечко былое,
Не вернёшь никак его назад.

Без хозяина здесь всё расклеится,
Снега наметёт на чердаке.
Сдохнет кошка, так и не погрется
На печи, в холодном закутке.

А потом, что нужно, разломают,
Да, какой в деревне нынче стыд.
И когда весной, снега растают,
Подожгут траву и всё сгорит.

Вот и жизнь моя, как дом заброшенный,
Не горит от отблесков зари.
Снится клён снегами запорошенный,
Да клюют рябину снегири.

Дело случая

За окном мороз лютует,
Заковал все стёкла.
Парень девку не целует,
Знать любовь засохла.

Не согреться ей на печке,
Слёзы льёт в перину,
Собралась гадать по свечке,
Про свою судьбину.

И пошла она к старушке
Одинокой, древней,
Что жила в глухой избушке,
Сразу за деревней.

И старушка нагадала
Ей судьбу такую,
Чтоб она его не ждала,
Любит он другую.

Заревела молодлица
От такой измены
И решила отравиться
Иль порезать вены.

А на утро шум раздался,
Подошла машина.
В окно милый постучался...
Не было бензина!

Чтобы жизненный вопрос
Не страдал от случая,
Позвоните в тот колхоз,
Есть ли там горючее?!

Система

В нашей жизни всякое бывает,
Нас подумать песня заставляет.
Кто-то в этом мире всё теряет,
А кто-то очень много обретает.

В этом бардаке сейчас возможно,
Стать богатым, с головой, не сложно,
Не ссылаясь на своё везенье,
Обрета побольше вдохновенья.

По стране у нас одно купечество,
Продаётся всё, вплоть до отечества.
Во главу угла одна проблема,
Это рынок и его система.

Продаются уголь, нефть и газ,
Даже с подогревом унитаза,
Танк кому-то надо иль наган,
А можно засекреченный «буран».

Бабки есть-твоя любая баба,
Баксы есть-работаешь не слабо.
Можно без каких-нибудь проблем
Посетить весёлый секс-эдэм.

Кто сказал, что жизнь беднее стала
И стремленье жить у всех пропало.
Получаем щедро мы подарки,
На дорогах сплошь всё иномарки.

Правдо безработных многовато,
Пособлять им всем дороговато.
Их терпению должное отдать,
Пусть идут на рынок торговать.

Как в старинной песне говорится,
Дома мне сегодня не сидится.
Не дождусь в четверг свою зарплату,
Рассержусь, пойду, продам лопату.

С голодухи нынче не помрём,
В доме, что продать, всегда найдём.
Стыдно что, так вы не верьте людям,
Продадим, тогда и думать будем.

Но конец когда-то будет-это ясно,
Слишком разгоняться нам опасно.
Так как очутиться вместо быта,
Можем у разбитого карыта.

Всё ж не зря говаривали старцы,
Землю пахать не будут нам аварцы.
Думай о судьбе своих детей,

Будешь умирать, а хлеб посеи.

И неба было мало, и земли

Остаются не решёнными вопросы,
С каждым годом убывает колорит.
К дню рожденья приудалили морозы,
Как согреться, если кровь не молодит.

И любовь уже не греет, как бывало,
А от водки кайф совсем уже не тот.
Полюбить бы, чтобы неба было мало,
Да кого моя любовь сейчас зажжёт.

Вот сиж у печки угли догорают,
Вспоминаю жизнь прошедшую свою,
Верю годы, как дрова не зря сгорают,
Я кому-то, может быть тепло дарю.

И пока живу на свете этом,
В сердце край родной всегда храня,
Ведь не зря сияет добрым светом
Та земля, где корни у меня.

И у каждого из нас они святые,
Дед и бабушка и русская изба,
Праздник Троицы и холмики родные,
И к калитке приводившая тропа.

Иногда мы забываем берег дальний,
Но душой неотделимы до конца.
Слышу голос и знакомый, и печальный,
Вижу образ твой у старого крыльца.

Там блестят снега под небесами,
В деревеньках доживая люди спят.
Едут звёзды отдохнуть в Майями,
А у нас свои в снегах горят.

Нет ничуть я звёздам не завидую,
Не найти в стране родной им рай.
Им напомню с лёгкою обидою,
Где чесался, там и подметай.

А на Рождество вообще проблема,
Старых звёзд, на встречах, звездопад.
Но звездой затмились Вифлиема,
Так что зазвездились невпопад.

Вспомним вечерами, как бывало,
Люди песню на руках несли.
Широкой песне было места мало
И неба было мало, и земли.

Звёзды нам помогут!

Ещё один уходит год из жизни,
Искрится весь от ёлочных огней.
Не будем предаваться укоризне
И осуждать несбыточность идей.

Нелёгкий путь Россию ожидает,
Все видят это, но не в том вопрос,
Когда же, наконец, тот миг настанет
И в одну сторону потянем дружно воз.

А воз тяжёлый, требует ремонта,
А рубль всё больше деревянным стал.
Помогут звёзды бизнеса и спорта!
Но их всё чаще тянет на вокзал.

Но как-нибудь, снесём последний лапоть,
А Новый год-он Новый год и есть.
И выпьем с горя, что не можем хапать,
А ждём чего-то, соблюдая честь.

Небесная звёздочка

Рождество Христово празднует народ,
Веселятся дети, водят хоровод.
Эта ночь волшебная вся огнём горит,
Звёздочка небесная с нами говорит.

Я звезда такая, как и звёзды все,
Но судьба другая в звёздной полосе.
И свечу я ярче, и горю сильней,
Когда веры больше в сердце у людей.

Новогодние ели

С каждым годом Новый год уже не тот,
То-ли это от того, что всё ж стареем,
Но когда он зимней ночью настаёт,
Однозначно, мы с тобою молодеем.

Среди шумного веселья и огней
И почти что ни о чём не сожалеея.
Хоть немного люди кажутся добрей
И от этого чуть-чутьочку теплее.

И от этого не жаль ушедших лет,
Будем верить не напрасно пролетели.
Как когда-то льётся тихий лунный свет
И стоят, когда-то маленькие, ели.

Постройнели, распушились, подросли
И красуясь шубки белые одели.
Времена для них тревожные прошли,
Не страшны теперь морозы и метели.

Что мы будем нашим внукам завещать?
Эти ели и по дому настальгию.
Мы уйдём, а им весь век стоять,
Охранять родную землю и Россию.

Новогодняя полночь

Новогодняя полночь наступит вот-вот,
За столами все ждут с нетерпением,
Отдохнуть от тяжёлых житейских забот,
Поделимся былым вдохновеньем.

У кого-то застолье, как пир у царей,
У кого-то простая попойка.
А напьются похожи на диких свиней
И богатый и бедный опойка.

И головка у всех эдентично болит,
Отдаётся в висках громким звоном.
Только кто-то кремлёвскую утром цедит,
А кому-то похмел самогоном.

Говорят будто люди на свете равны,
Говорят, только в это не верьте.
По ранжиру достатка им судьбы даны,
А равны только в пьянке и в смерти.

Примета

На крышу дома опустились голуби,
Сначала три, потом ещё один.
Меня, как будто, окунули в проруби
И в позвоночник мой загнали клин.

Не шевелясь стоял у нашей ели
И чуть дышал, боялся их спугнуть.
Они оттуда на меня глядели
И я смотрел, стараясь не моргнуть.

Когда уходят близкие нам люди,
Никак не верится, что потеряли их.
И если птичка в стекло биться будет,
Конечно это весточка от них.

И эти голуби на крыше, как родные,
Меня увидеть будто прилетели
И падали снежинки голубые,
И сиротливо я стоял у ели.

Мы сами так хотим, нам нужно это,
Привидится вдали наш берег лунный.
Ничем не объяснимая примета
Души затронет жалобные струны.

Не зря, как видно, мне родные снились,
Один остался я из всей семьи.
Не голуби с небес сюда спустились,
Отец и мать, и братики мои.

Умирают в одиночку

Друг иль враг, какая к чёрту разница,
Умирает каждый в одиночку.
Часто жизнь бывает только дразнится
И даёт на время нам отсрочку.

Хорошо об этом мы не знаем,
Как лягушка бьёмся до конца,
Многое при этом потеряем,
Чтоб услышать утром свист скворца.

До весны дожить, а там что будет,
Вот критерий нынешний у многих,
Ну уж, а потом, как Бог рассудит,
Может пожалеет нас убогих.

Даст позагарать на даче летом,
Покопать лопатой огород,
Любоваться утренним рассветом
Или это всё наоборот.

Но одно останется незыблемым,
Если уж совсем поставить точку.
Жить в толпе-является обыденным,
Умирает каждый в одиночку.

Значит и мы разошлись в цене

Я тебя повстречал ни днём, ни вечером,
Как встречаются добрые люди всегда,
Я тебя повстречал, когда делать нечего,
Ты, конечно бы, тоже спать могла.

Но, как видно, судьба нас с тобою схлеснула,
Взяла наши жизни и вместе свела,
Меня к тебе она повернула,
А ты, быть может, кого-то ждала.

Ждала не меня, но я подвернулся
И всё получилось, как будто во сне.
В темноте я нежданно тобой обманулся,
А ты зачем-то поверила мне.

Но мы ведь об этом тогда не знали
И было нам с тобой хорошо.
По вечерам подъезд навещали,
В котором ступеньки есть и темно.

Гуляли по улицам, ночью обычно,
Мечтали о жизни в душе и вслух.
Всё это было для нас привычно
И ночь, и звёзды, и тишина вокруг.

И если б характер свой апатичный
Спрятал в какой-нибудь дальний карман,
Вот тогда бы я был приличный
И был бы у нас с тобой роман.

Ну не роман, так для друга согдился,
Всё заключается только в цене.
Может в тебя бы я всё же влюбился,
Но только в странном, несбыточном сне.

Ах, это только конечно же шутки,
Плакать придётся, возможно, потом.
В жизни бывают такие минутки,
Дело не в дружбе, а в чём-то другом.

И дело не в том шутить или плакать,
Останься на время в другой стороне.
Друзей ведь искать, не невесту сватать,
Значит и мы разошлись в цене.

Кораблик из дощечки

Я грусть свою оставлю на бумаге,
Чтобы кому-нибудь взгрустнулось, как и мне
И ярче вспыхнет огонёк во мраке
В родимой и любимой стороне.

Сторонка дальняя не в километрах дело,
Бывает поезд привезёт за час,
Но сколько листьев с веток облетело
И сколько бурь промчалось мимо нас.

И хочется порой на жизнь обидиться,
Что отняла родных, приблизив холода,
Но детства край во сне таким же видится,
Каким мы его видели тогда.

Приснится дом и мать, и куст сирени,
Привидится всё то, что каждый видеть рад.
Открыто в сад окно и шевелятся тени,
Как мысли о былом о многом говорят.

А жизнь права, дана всем одинаково,
Кого Господь хранит, кого к себе берёт.
Неповторима жизнь и дорога для всякого,
Вдруг ягоды рябин в рубины обернёт.

Или росу в алмазы на лугу у речки,
Где мы с тобой мечтали о больших морях.
И кажется, поверь кораблик из дощечки
Плывёт к нам из далёка на белых парусах.

Пусть будет долго наш кораблик плыть
И с грустью светлой берег дальний сниться.
Тропинки детства нам не позабыть,
Родным местам так тянет поклониться.

Печник

Печка развалилась и дымит давно,
Почему же милый не стучит в окно.
Значит он соседке печку мастерит,
Хоть и не завидую, а душа болит.

Видно, проклятушая, самогон гнала
Очень уж надеялась встретить печника.
Ну, теперь наложит он ей, Господи ты мой,
К вечеру наложится, будет чуть живой.

Печке не топиться, как ей и не хочется,
Пока в самом деле самогон не кончится.
И теперь нисколечко не жалею я,
Травушка-муравушка зелёнькая.

Совесьть

На скамейке, под тополями зелёными
Сидит девушка с глазами огромными.
И читает роман или повесть
Про грозу или про человеческую совесть.

Грозу она видела и слышала
И в деревне и над городскими крышами,
А вот про совесть она не слыхала,
Не слыхала о ней, не видала.

Только знает, что есть она где-то
Или нагая, или одетая,
Или грязная, или чистая,
Немногословная, или речистая.

А вот где, за какими дверями,
Иль за морями, иль за горами,
Люди спрятали свою совесть,
Ей не сказали роман или повесть.

А я тебя читал

Не хочешь-не читай, а я тебя читаю,
Тупою головой стараюсь всё понять.
И, знаешь, восхищён, и в облаках летаю,
Вот есть же и у нас такая благодать.

Тебе мои слова, наверное, до фени,
Об этом знаешь сам и убеждён в цене,
Бывает, иногда, вдруг шевельнутся тени,
Тех, кто покруче был и в слове, и в вине.

О чём хочу сказать, пускай ты на олимпе
И ангелы поют заздравные псалмы,
Твой кукиш в самый раз сгодился им на нимбы,
А впрочем, что кому, ведь жить мешаем мы.

Те, кто ещё внизу и пробует подняться,
У вас одни слова, не можешь-не пиши.
А я хочу писать и словом изъясняться,
Пусть далеко до вас, но всё же от души.

К чему такая спесь, попроще к меньшим братьям,
Ведь каждый пережил и каждый испытал.
Дай Бог мы не придём к посулам и объятьям,
Не хочешь-не читай, а я тебя читал.

Мой воз

Своими потугами воз мне не сдвинуть,
Хоть вой, хоть молчи, хоть глаза из орбит.
Вот взять бы бревно, да его опрокинуть,
Пусть этот хлам на помойку летит.

Что он стоит посреди автострады,
Мешает проехать шикарным авто.
Видано ль дело, без всякой ограды
Вид закрывает на модный бистро.

Мне помогли, он сейчас на обочине,
Забором закрыт от придиричивых глаз.
Деньги за землю, за волю уплочены,
Так что, простите, чихаю на вас.

Всё же, как видно, я праздновал рано,
Что так удачно свободу сберёг.
Воз мой разрушили ночью тараном
И распахал по канавам скребок.

Мне было жаль его, в нём всё нажитое,
Сам виноват, этот путь не для нас.
Было бы место ему не обжитое,
Он бы стоял до сих пор и сейчас.

Обух и плеть меж собою не в ссоре,
Пробовать-пробуй, известен итог.
Если не в этой элитной фаворе,
Всё ж попадёшь под дорожный каток.

Письмо

Пишу тебе в последний раз,
Не знаю, встречу ли с тобою
Зимою белой иль весною,
Иль утром, иль в полночный час.

Не знаю, будем ли мы снова
Гулять до утренней зари,
Читать нелепые стихи,
«Кусать» за каждые полслова.

Не знаю и ни кто не знает
Ни ты, ни утро, ни весна,
Со мною будешь иль одна,
Судьба ведь жизнью управляет.

Она, как будто рулевой,
Жизни нашей курс изменяет
И первой майскою грозой
Приход весны нам объявляет.

Судьба и ветер-они похожи,
Ветер подует и пыль летит.
Судьба подуть ведь тоже может,
Подует и жизнь всю запылит.

Быть может сегодня или завтра
Судьба нам готовит холодный гроб.
Получишь свою ты пулю в лоб
И не помогут венки из лавра.

А может быть будешь купаться в злате
И в милости будешь у судьбы,
И будет каждый день подлежать оплате
Из жизни твоей и из борьбы.

Судьба обрывает, как нить у жизни
Все планы, все мысли и мечту твою.
И чтобы выжить и видеть огни,
Держи в руках своих крепко судьбу.

Берега судьбы

Обчищу апельсин и выверну карманы,
Что у меня в душе, кому охота знать.
Не пью, хотя курю, не то, что наркоманы,
По многу и взятяг, никак не завязать.

Иду, на грязь начхав, с автобуса до дома,
Вот занесла судьба, а впрочем, что скулить,
Распределение мест такая аксиома,
Где зацепил багром, там и остался жить.

Вначале водку пил, как и курил, по многу,
И забежав вперёд скажу, что пил всегда.
И только вот сейчас, скажу спасибо Богу,
Я понял иль понял, что водка не вода.

У каждого свои расчёты с этой тёткой,
Не каждый сможет сам порвать такую нить.
И хочется забыть, но сутенёр с бородкой
Сведёт на ложе нас и хочется любить.

Возможно всё не так, а как-нибудь иначе,
На берегах судьбы останутся следы,
Которых не забыть, не повторить тем паче,
Уж сколько лет прошло и утекло воды.

Пусть не сложилась жизнь, прожил её на вздохе,
Чего-то не успел, чего-то не постиг,
А выдыхать сейчас приходится по крохе,
Продлив осенний день, продлив последний миг.

Кому охота знать, у всех во рту заботы
И только лишь тогда, когда не станет нас.
Узнают о тебе, какой ты был и кто ты,
Какую прожил жизнь без грима, без прекрас.

Поздняя жалость С Покровом Пресвятой Богородицы

Нас жалеют тогда, когда гроб заколотят гвоздями,
Кто для вида всплакнёт, только мать в своём горе видна.
И заруют землёй, и закроют живыми цветами,
А она всё не верит, что в жизни осталась одна.

На могиле помянут, в машину забросят лопаты,
Вся родня обестит ей во всём и везде помогать,
А потом за столом уж начнутся хмельные дебаты,
Кто зачем, что почём, ничего невозможно понять.

Все вздохнут с облегченьем, как после рабочей недели,
Те, кто яму копали, добавят за это ещё.
Вот и вся суета, вот и листья давно облетели
И начнут забывать, хотя помнили все хорошо.

Мать, конечно, придёт, даже если и будет не близко,
Пожалеет о том, что зачем-то осталась жива.
И, конечно, заплачет, склонив свою голову низко,
Извинившись за то, что давно у тебя не была.

Что же это за жизнь, мы рождаемся все на мучения,

Жизнь проходит в борьбе, что бы выжить и больше схватить.

Если, кто-то не прав, то наступят сплошные гонения
И не каждый сумеет как хочет её завершить.

Нас напрасно жалеть, когда прах наш подвергнется тлену,
Да простит нас Господь, что не всех поминали святых.
Просто в жизни подчас не найти нам другую замену,
Надо больше жалеть и любить непременно живых.

Радуйся, радуйся солнышку

Радуйся, радуйся солнышку,
Радуйся новому дню.
Клюй своё счастье по зёрнышку,
Жизнь по крупинке свою.

Горе когда-то уляжется
И обойдёт вас беда.
Нить путеводная свяжется,
Станет прозрачней вода.

И поплывут, как и прежде,
Листья по вашей реке.
Сбудутся ваши надежды,
Счастье забьётся в руке.

Сердце стучит, значит любит,
Осень льёт синий елей,
Выпустит и приголубит
В небе простых сизарей.

Радуйся, радуйся солнышку,
Радуйся новому дню,
Клюй своё счастье по зёрнышку,
Жизнь по крупинке свою.

Лето с синими глазами

С гулким эхом бродит осень
По лесам и по полям,
У него мы дней попросим,
Чтоб не грустно было нам.

Дней таких, чтоб сердце млело,
Восхищаясь красотой,
Чтобы всё кругом горело,
Краской сине-золотой.

Небо сине-голубое
И в багрянце клён стоит,
Осень даст чуть-чуть покоя
И с дождём повременит.

Пустит в воздух паутины,
Птичек в стаи соберёт,
Запалит огнём рябины,
Как костры в лесу зажжёт.

Так и в жизни нашей с вами,
Может всё ж нам повезёт.
Лето с синими глазами
В нашу осень завернёт.

Пока земля не умерла

Пока блистают русские умы
И заседают в думе депутаты,
Дожили мы до нищенской сумы,
До ручки довели нас демократы.

Всё ищут путь спасения страны
Борцы за счастье русского народа,
Проблемы на Рублёвке решены
И остаётся нам одно-свобода.

Свободой сыт не будешь-это факт,
Цепь покороче, миску чуть подальше.
Тут даже с чёртом заключишь контракт
И волком зарычишь от этой фальши.

Но это лишь полемика одна,
На лыжах нам не ездить в Куршевеле.
Какой народ, какая там страна,
Спустишь с небес на землю, в самом деле.

Себе побольше оторвать кусок
И новый мерседес не лишним будет,
А ты мечтай, мечтай себе браток
И потерпи, авось что и прибудет.

Какой контраст, как будто день и ночь,
От презентаций, до простых банкетов,
А рядом нищий голод гонит прочь,
Ему бы хлеба, а не тех паштетов.

Да и работая, не прокормить детей,
Буквально всё становится дороже.
Ну, слава Богу, нет очередей,
В которых получали и по роже.

Всё сбудется, как говорит Газпром,
Но вот когда не уточнил он всё же.
Нефть белорусам просто отдаём,
Бензин у нас, естественно, дороже.

Ну что ж, как только выкачаем нефть
И лес на палочки для риса весь распилим,
Придётся нам на свою попу сесть,
Другого уж, наверно, не осилим.

Под знаменем двухглавого орла,
Не нужен нам бунчук степного беркута.
Пока ещё земля не умерла,
Велика Россия, а отступать некуда.

Остались позади мои золотые годы

Остались позади мои золотые годы,
Пора крылатых снов, свиданий и любви.
Куда же вы ушли мне милые невзгоды,
Я больше не увижу вас юные черты.

Я больше не увижу детство разноцветное,
Уж не услышу снова трели соловья,
Что душу мне тревожили и уж теперь, наверное,
Ничто не сможет так разжалобить меня.

Как прежде никогда, мне не придётся снова,
Набегавшись идти босым и по росе
И долго-долго думать на улице, у дома,
Пока полночный поезд не крикнет вдалеке.

Мне запах летних трав, весной садов цветение
И крики журавлей прощальные вдали
Не смогут донести ни грусть и ни веселие,
Так как осталось всё в сиреневой дали.

Я нагрустился вдосталь, весельем не избалован,
Узнать мне довелось мир зла и доброты,
Ошибки и нападки за что судьбой пожалован
От жизненного счастья кусочек суеты.

Спешу куда-не знаю, боль памятью согрета,
Она расшевелит в душе моей опять,
Мелодию той песни, что в юности пропета,
Мои семнадцать лет позволит мне обнять.

Другой сорт

Семена проросли, но взошли, почему-то, не дружно,
То-ли скудность земли, то-ли сушь и дожди невпопад.
Вяло тянутся вверх и кустится им вроде бы нужно,
А они, как и раньше, как будто былинки стоят.

И окучивал их, и удабривал их, всё без толку,
А ведь брал семена из надёжных, проверенных рук.
Так и лето прошло и напрасно я делал прополку,
Ничего не собрал, только стеблей увесистый пук.

А на грядках других урожай был отменно хороший,
Вот пойми почему, одинаково всем помогал.
Может мелочь какая, а может и сглазил прохожий,
Впрочем, что говорить, если сам в этот год оплошал.

В нашей жизни, подчас, получается всё, как на грядках
И детей мы растим одинаково всех, без обид,
Но в итоге одним жизнь поставит пятёрки в тетрадках,
У других же всегда только тройка с натяжкой стоит.

Но и это не главное, главное доброе сердце,
Доброта и любовь – вот что в жизни главнее всего.
Многим ведь не понять, если в душу распахнута дверца,
Хорошо людям рядом и даже, когда далеко.

Спорить я не хочу, может чаще общались с природой,
Оттого ли, что меньше давали нам знать обо всём.
Только кажется мне, по сравнению с этой породой,
Была наша добрей, в своё время, на месте своём.

Их винить не могу, век другой и другие понятия,
Да и СМИ им втирает с младенчества секс и разбой.
Так чего мы хотим, от такого всего восприятия,
Нас они не поймут, вероятно и мамы родной.

Может быть, не забыть в огороде дела и поправлю,
Будет всё, как у всех, постараемся этой весной.
Только, вряд ли внучка я любить эту землю заставлю,
В них другие ростки, да и сорт, несомненно, другой.

Забудь про давние печали

Забудь про давние печали,
Что жизнь короткая, забудь.
Во тьме ночной уснули дали
Не спит лишь только Млечный путь.

Он будто вечная дорога
И перед ней мы так мелки,
Но если с нами вера в Бога,
Душой и сердцем велики.

Путь человеческий нелёгкий
В нём и утраты и борьба
И глухо слышен голос робкий
У правомерного столба.

Вся жизнь в надеждах и заботах
И потеряв порою всё,
Читаем надпись на воротах,
Выходит каждому своё.

И пусть нас часто обижают
Несправедливостью, до слёз,
Но всё куда-то исчезает,
Когда мы видим свет берёз.

И этот свет, свет заповедный,
Неугасимый и родной,
И детство в нём, и луч последний,
Он словно млечный путь земной.

Да, будто, грязь не так заметна,
Привыкли что ли, может быть,
Костры рябин горят приметно
И их во век не погасить.

Когда тугой осенний ветер
Закружит лёгкий жёлтый лист,
Заветный край красив и светел
И от берёз безмерно чист.

Наступит день мы с журавлями
Взлетим над этой вот землёй,
Махнём прощаясь ей крылами
Из грустной выси голубой.

Мы полетим под облаками
И нам помашут вслед рукой,
Берёзы белые под нами,
Как будто млечный путь земной.

Судьба, как белая рапсодия

Судьба, как белая рапсодия
И он, отнюдь, не спорил с ней.
Она была его мелодия,
А он ей преданный Орфей.

Она была его избранницей,
Всегда красивой вместе с ним,
А он мужчина, с той лишь разницей,
Что был всегда неповторим.

Она с бездушием боролась
Взлетая в небо вновь и вновь,
Он отдавал ей чудный голос,
Надежду, веру и любовь.

Все ожидания и трудности,
Всё превозмог с ней разделя.
Был он кумиром нашей юности
И в парке плачут тополя.

О нём грустит теперь дорога,
Каспийский берег, дом родной,
Было дано ему от Бога,
Петь для людей с такой душой.

Земной союз их не прервётся
В краях небесной высоты
И к нам она ещё вернётся,
Как королева красоты.

Влетит весной в окно мелодия
Далёкой юности моей
И вновь о днях, что нами пройдены,
Споёт наш преданный Орфей.

Дождливое лето 2003-го

Последний летний день мелькнул за поворотом,
Оставил нам дожди, стучащие в окно.

Клубящийся туман в низинах, над болотом,
Промчалось быстро лето, а было ли оно?

Да, по большому счёту, его мы и не видели,
Полило землю так, что впору рис сажать.
Погодные условия нас до того обидели,
Что вспоминали мы не раз в сердцах чужую мать.

И это всё бы ничего, природа есть природа,
В Сахаре, например дожди, а в Лондоне жара.
Но если льёт как из ведра с заката до восхода,
То было жаль те семена, что посадил вчера.

И так всё лето напролёт, мы сохранить хотели
Хотя бы скромный урожай собрать на чёрный день.
Так жаль затраченных трудов, с картошкой пролетели,
Да и с другими овощами та же дребедень.

Но нам такое не впервой, бывало и похуже,
Картошки вволю привезут, развязывай чулок,
А помнится была жара и высохли все лужи
И говорили мы тогда, что наказал нас Бог.

Конечно наша есть вина, грешим и пьём без меры,
Но всё, как видно от корней, что в прошлое ведут.
А вот огромная беда, лишаемся мы веры
И без неё в хороший год печины заростут.

Не стали верить ни во что ни в слёзы, ни в прогнозы,
В добро не верим и в закон, как дышло повернёшь,
Устали мы от суеты и повседневной прозы,
Да и во что поверим мы, кругом сплошная ложь.

Но кто-то скажет, Боже мой, ведь всё у нас прозрачно,
Не смог деньжонок накопить, кого же здесь винить?
Да, да скопили вот чуть-чуть, купили дом удачно,
На том Лазурном берегу, где скромно не прожить.

Все знают всё и обо всём, вот раньше время было,
Богатым был тот человек, кто мог ковёр купить.
Как далеко шагнули мы, а судей всех на мыло,
В футболе пьёт из кубка тот, кто больше смог забить.

Любовью нужно дорожить

Не забывай меня, тебя я тоже буду помнить,
Во сне встречаться и во сне любить,
Встречать зарю о звёздах говорить
И счастье будем на лету ловить,
Чтоб было, что под старость вспомнить,
Обиды давние припомнить,
Да все их разом и простить.

Не забывай меня, прошу об этом,
Не для того, чтоб прошлое вернуть,
Не для того, чтоб в сердце пристегнуть
Вновь и любовь и нежность ту при этом,
Нет это не вернёшь, хотя б мы и желали.

Об этом я прошу, что б только память успокоить,
Чтоб чувства все мои не мог другой присвоить,
Что бы хватило дальше жить мне сил,
Ведь крепче нас никто друг-друга не любил.

Поверь я не хочу и не имею права
Тебя хоть в чём-то обвинить,
Но всё же ты могла бы уступить
И сделать так, как нужно было
И для тебя и для меня,

Без слёз, без нервов и посудой не гремя,
А тихо мирно обсудить.
Ведь страшное не в том,
Что ты другого полюбила,
А впрочем, что душой кривить,
Не полюбила б ты и не смогла бы полюбить
Его за глазки голубые.

А просто нравится тебе его квартира,
Его костюм, словесная вершина
Красивая машина и гараж,
А где любовь, её хоть ты уважь.

Не продавай так дёшево её,
Она порой бывает жизни стоит,
Прекрасная, сердечная любовь
И за неё не раз пролили кровь
Те кто любил всем сердцем, всей душою.

И если б можно и возможно было
Букетик звёзд любимой подарить,
То небо звёздное давно уж не светило
И астрономам было б нечего открыть.
А ты бросаешь на весы
Какие-то машины с гаражами.
Любовь не измеряется весами,
Не подкупается красивыми словами,
Она чиста, как капелька росы.

Да, что там говорить
Ведь о любви поют, да плачут
И вот поэтому и значит,
Любовью нужно дорожить.

Ты нас хранишь

Мы без тебя, отец, уже который год
Живём одни, а ты спокойно спишь
И от беды лихой, от бед и от невзгод,
С небесной высоты, ты нас хранишь.

Всё будто как тогда, когда ты с нами был,
Забыть нельзя и свято навсегда.
Всё так же лес стоит, куда ты нас водил,
По Чёрному ручью течёт вода.

Но нынче журавли так рано в путь
Расправили крыло по-над землёй
И если будешь там, взглянуть ты не забудь
С небесной высоты на дом родной.

Как измерить?

Как измерить дороги и просёлки лесные,
Как измерить любимые сердцу края
И такие родные, те места дорогие,
Где когда-то стояла деревенька моя.

Я помню дом, в котором вырос,
Я помню с детства каждый уголок
И липа старая чуть наклонилась,
Не позабыл и врядли б смог.

Как измерить твою материнскую ласку,
Как измерить слова материнской любви,
У кровати моей изумрудную сказку,
Ты меня, мама, утром с собой позови.

Мы пойдём с тобой по чистым росам,
По бесконечной синей тишине,
По непомятым травам на покосах
И затеряемся мы вдалеке.

Ночь прощения

С праздником Яблочным Спасом

А зори и у нас такие ж тихие,
Особенно сейчас в родном краю.
Вот и сейчас у старой облепихи
Внимаю тишину, один стою.

Внимаю тишину и сердце слушаю,
Оно грустит о прожитых годах,
То жалобною дудочкой пастушьёю,
То ветром в телеграфных проводах.

То вдруг дождём по крытой дранкой крыше,
Сарай был старый и в углу дыра.
Мы рыли в сене норы, будто мыши,
Такая вот была у нас игра.

И так всю жизнь играем мы во что-то,
Ведь говорят, что наша жизнь игра.
Вот и дошли уже до поворота,
С которого задуматься пора.

Далёких дней придут воспоминанья,
Как будто перелистываешь их.
Они моей души очарованье,

Такой простой, но незабвенный штрих.
Не верится, да будто жизнь приснилась,
Наверно всем, дожившим до седин.
Храним года последние, как милость,
Все дороги они нам, как один.

И провожая этот дивный вечер,
Друзей и близких помяну добром,
Иных уж нет, а те уже далече
И зарастает прошлое быльём.

А зори и у нас такие ж тихие
И только одного я не пойму,
Там все равны простые и великие,
А здесь покоя нету никому.

Настала ночь, как будто ночь прощенья,
В душе и я пытаюсь всех простить.
Жизнь это миг, почти что, как мгновение,
Но, как не просто нам его прожить.

Долгий зимний сон

Она придёт тихонечко, без спроса,
Заполонит все мысли и дела
И с чувством не решённого вопроса,
А всё таки, не сном ли жизнь была?

Не сном ли беспокойным и прекрасным
И вот сейчас не вижу я границы,
Когда всё было явным и опасным
Или когда могло это присниться.

И было ль детство наше золотое,
Туман у речки и трава в росе,
И был ли поезд, что на Бологое,
На станции его встречали все.

Он привозил в вагоне хлеб из города,
Наш из пекарни лучше был раз в пять,
А впрочем чаще мы искали повода,
Чтоб на перроне новости узнать.

И летний вечер, домик у болота,
И запах, что сейчас не передать,
В конце прогона старые ворота,
Где нас встречала молодая мать.

И потому, что всё давно так было,
И дальний берег снегом занесён,
Что не сложилось, по реке уплыло,
А остальное долгий зимний сон.

Я по земле хожу

Я по земле хожу и мучаюсь напрасно,
Смотрю на мир не так, а задом наперёд.
Меня тоска грызёт, а жизнь всегда прекрасна,
Но скользко мне идти, как в сильный гололёд.

Всплывают вновь в душе Есенинские вирши,
Вновь грусть сиреневая смотрит на меня
И звон колоколов те годы сохранивший
Заставит вспоминать былые времена.

Былое было, уже не возвратится,
Быльём уж поросло и в памяти стерлось.
Я так хотел бы снова в детстве очутиться,
Чтоб по траве босым побегать довелось.

Как больно на душе, туда уж нет возврата,
Листает молча жизнь листки прошедших лет.
Какая для меня огромная утрата,
Не видеть никогда тот детский лунный свет.

Альбом

Успокоился солнечный ветер,
Облетел белый пух с тополей.
Как и раньше, плывёт тихий вечер
Над родимой сторонкой моей.

Всё знакомо здесь, близко и дорого,
Пахнет сеном, парным молоком,
Очень хочется свежего творога,
А ещё посмотреть наш альбом.

С фотографий поблекших от времени,
Молчаливо мне в душу глядят,
Все, кто родом из нашего племени,
Может сами с собой говорят.

Вот мой дядя, с войны не вернулся,
Мне сейчас столько лет, как ему.
Он кому-то тогда улыбнулся,
Только я не узнаю кому.

Вот отец и сестра его Феня,
Их теперь тоже нету в живых.
Забирает безжалостно время
Стариков и совсем молодых.

Брат Сашулька, совсем ещё маленький
Простудился и умер тогда.
Называли мы все его заинькой,
Но без спроса приходит беда.

Старший, Юра с баяном и стриженный,
Инструмент не легко удержать
И как будто на что-то обиженный,
Не хотел он учиться играть.

Младший наш, тоже Сашей назвали,
На усадьбе играет своей,
Мы в «матроску» его одевали,
Не вернёшь тех безоблачных дней.

С книгой мать за столом молодая,
Сколько горя пришлось пережить.
Жизнь такая её непростая,
Нужно долго о ней говорить.

Но вот помню, всегда нас крестила
И шептала, а что, не понять.
Видно Бога просила, молила,
Чтобы смог он здоровья нам дать.

Окна ночь темнотой занавесила
И пора уж идти на покой.
Что-то песни поются не весело

Над любимой родной стороной.

Пускай старушка подождёт

Придёт тягучая усталость,
Исподтишка, на склоне лет,
И всем мешающая старость
Закроет пеленою свет.

И разметав седые пряди,
Ночами вьюгой завывать,
Будет проситься Христа ради,
Приют ей сиротинке дать.

Она от хвори вас излечит
И лестью разум ублажит,
Спокойной жизнью обеспечит
И на лекарства даст кредит.

Наобещает выше крыши
И уваженье, и почёт,
Что можно двигаться потише,
А говорить наоборот.

И большинство её впускают,
Дают приют в душе своей,
И, как свеча, тихонько тают,
Ни в чём неприкословя ей.

Ну, а она рада стараться,
Такой наводит макияж,
Что люди будут удивляться,
Был человек, а стал мираж.

Но, а встречаются такие,
И старость возраст не для них,
Пусть волосы совсем седые,
Порой, моложе молодых.

Не потому, что впали в детство
И что здоровье бьёт ключём,
И не от генного наследства
Им все невзгоды нипочём.

Как им всё это удаётся,
Есть свой у каждого секрет.
Так на Руси нашей ведётся,
Годами стар, душою нет.

Душа широкая, как море
И странник в ней найдёт причал,
И пережить поможет горе,
Научит крепче брать штурвал.

Но их всё меньше остаётся,
И кое-кто рад осудить,
Что этот крокодил смеётся,

Ему бы с Богом говорить.

А лично мне приятней люди,
Которые умеют жить.
У них нельзя никак, по сути,
Их возраст вмиг определить.
Они и с молодыми ладят
И с ровней общий есть язык.
Бывает, что по шерсти гладят,
Но заслужил, получишь втык.

Так что покуда ноги носят
У них и дел невпроворот,
А старость вежливо попросят,
Пускай старушка подождёт.

Бедная калина

Чёрная сморода,
Местный виноград.
Ждёт дождя природа,
Старики кряхтят.

Туча появилась,
Громыкнуло чуть
И опять открылась
Голубая муть.

Пролетит машина,
Трактор проползёт,
Бедная калина
У моих ворот.

Если не прольётся,
Не пройдут дожди,
Так и задохнётся
В этакой пыли.

Вечерний звон и вечные слова

Вот так-то лучше кажется,
Что больше не завяжется,
Не сбудется, не влюбится,
Но трижды не забудется.

Как старый пень осиновый,
Свет лампы керосиновой,
Всё меркнет и калышется,
А мне всё детство слышится.

Скрипит сосна дремучая,
Спит иволга певучая,
Над речкой ива клонится,
Чуть-чуть не переломится.

Вдали ночные всполохи,
Слышны ночные шорохи
И очень бесконечные,
Слова такие вечные.

Слова такие близкие,
Слова такие нужные,
Чтоб жили мы счастливыми
И были всюду дружные.

Нам так отец наказывал,
Верёвкой перевязывал,
Те годы не богатые,
На глине недожатые.

Он пел нам песни длинные,
Любили мы старинные,
Закат со всех сторон
И плыл вечерний звон.

Он плыл над лесом сумрачным,
Над полем, над деревней
И до чего же вдумчивый,
И до чего же древний.

Мне так хотелось высказать
Всё то, что песнь навеяла,
Но в наступивших сумерках
Звон тишина рассеяла.

Другая тропа

Это было давно, в те далёкие годы,
Пели песню тогда «два окна со двора».
Брюки клёш мы носили по велению моды
И куда ты умчалась, золотая пора.

Танцплощадка гудела, как улей пчелиный
И попасть не всегда удавалось туда,
А над нею летел белый пух тополиный,
Видно с ним упорхнули молодые года.

И сейчас уж не веришь, а было ли это,
Точно это был сон, как туман у реки.
А потом вдруг пропал с приближеньем рассвета,
И остались на память одни васильки.

Замирает в груди с этим грустным мгновеньем,
Звёзды гаснут в ночи, как и чья-то судьба.
Снова всё повторится другим поколеньем
И появится в поле другая тропа.

Но услышав, порой, песню юности давней,
В том мальчишке себя я стараюсь узнать.
И у них пролетит время встреч и свиданий,
Чтобы так же, как мы, этот миг вспоминать.

Благодарность

Корова старая была,
Глядела грустными глазами,
Траву жевала и пила
И всё вздыхала вечерами.

Ей отчего весёлой быть,
В жару и в дождь ходила в поле,
Чтоб молоком всех напоить,
Была покорна своей доле.

Но вот совсем занемогла
И молока чуть-чуть давала,
Хозяйка спора не вела
И помолясь, на бойню сдала.

И дети так старушку-мать,
Которая обузой стала,
Хотят в дом престарелых сдать,
Чтобы на кухне не мешала.

Но не мешало бы самим,
Подумать крепко на досуге.
Придётся испытать и им,
Жизнь остаётся в том же круге.

Чучело

Эта грусть меня замучила,
Что ей нужно, не пойму.
Вот стоит же в поле чучело
Безразлично ко всему.

Солнце, дождь ли, всё едино,
Ветер треплет старый плащ,
В голове его мякина,
Из под шляпы взгляд незряч.

Нынче вымахали травы
И подсолнух золотист,
Здесь оно не для забавы,
Поле сторожит от птиц.

Воробьишки-те пугливы,
Ветер дунет улетят.
У него глаза страшливы
И промашки не простят.

А подсолнух так и тянет,
Семечек полным-полно.
Вдруг рукой оно достанет,
Воробьям не всё равно.

Только ворон не боится,
Навидался он всего,
На страшило он садится,
В голову клюёт его.

Клюнул раз и два он клюнул
Искуситель мёртвых тел
И с досадой в сердце плюнул,
Прочь от поля полетел.

Воробьишки осмелели,
Да и ветер поутих.
На подсолнухах жирели,
Не боясь шагов моих.

Наблюдал я в отдаленье
Этот птичий кавардак,
И смеялся в удивленье,
Над проворством забияк.

Может быть душа воспрянет,
Восхитившись до краёв.
Если грусть меня достанет,
Вспомню шустрых воробьёв.

Войска дяди Васи

Войска дяди Васи, простор тих и ясен,
Такой день всегда на виду.
Струятся фонтаны и зреют каштаны,
И пары гуляют в саду.

Жара, как на диво, спасает лишь пиво
И синь милых девичьих глаз.
Гуляйте ребята, за Родину свято
Вы жизнь отдавали не раз.

Мы тоже когда-то в прицел автомата
Смотрели, как все пацаны,
Но время промчалось, вам доля досталась,
Для подвига вы рождены.

И вновь звук мотора разбудит вас скоро,
Обнимет небесная высь.
Такая работа, напутает кто-то,
Попробуй потом разберись.

Но вы разбирались, зубами вгрызались,
Порой задыхались в крови,
Учились смеяться и пуль не бояться,
И помнить, где братья свои.

Чуть-чуть рановато пришлось вам ребята
И горя хлебнуть во сто крат,
Взрослеть раньше срока и веровать в Бога
Учил вас Батяня-комбат.

Когда вечер пьяный расцветит фонтаны,
Обнимутся вместе друзья.
Никита из Пскова, Денис из Тамбова,
И их покровитель Илья.

Край любви

Кто бывал на Жижицких озёрах,
Помнят те красивые места,
Гладь воды, осенних листьев шорох
И ночами песня у костра.

Острова и мох, как бархат мягкий,
От волны качается камыш
И туман густой, молочный, зябкий,
И повсюду утренняя тишь.

Плещет рыба тишину пугая,
Гудит на ферме дойный аппарат,
Земля такая близкая, родная,
С тобой я каждой встрече рад.

Здесь музыка могучая рождалась
В те времена далёкой старины,
Храпя по льду лихая тройка мчалась,
Как время нашей будущей страны.

С небесной синью, с колокольным звоном,
По грязным, пыльным колеям дорог,
Народ прошёл с почтеньем и поклоном
И всюду с ним была земля и Бог.

И вот сейчас, душою сознавая,
Живём мы там, где свет в родном окне,
И где простому сердцу дорогая,
Слышна за лесом песня в тишине.

Тот, кто бывал на Жижицких озёрах,
Забуть не сможет дивные места.
Тот край любви и зимний сад в узорах,
И скрип перил у старого моста.

Потянуло на свежее

Средь такого безбрежия,
Средь такой красоты
Потянуло на свежее
От мирской простоты.

Заповедные чаши
Сохрани для души.
Возвращайся почаще
И свечу не туши.

Пусть мерцает и светит
На окошке твоём.
Я вернусь на рассвете
В одинокий твой дом.

Ты мне ласково будешь
О любви говорить,
Как голубка воркуешь,
Не могу укорить.

И цветами украсишь,
И расстелишь кровать,
И свечу не погасишь,
Веселей миловать.

Утро выдастся свежим,
Птички звонко поют
И соседи-невежи
За тебя упрекнут.

Мы тебя уважаем,
Знаем, что дорога,
Но доподлинно знаем,
Наставляет рога.

Доказать-не докажешь,
Да и в этом ли суть,
Сердцу ведь не прикажешь,
Лучше сразу забудь.

Эх, легко говорится,
Тяжело позабыть.
Вновь дорога пылится,
Бог сумеет простить.

Средь такого безбрежия,
Средь такой красоты,
Потянуло на свежее
От мирской суеты.

Скоро «Илья»

Притормозить нашу жизнь не возможно,
Не замедляет свой бег и моя.
Бродит июль средь лугов осторожно,
Лето кончается, скоро «Илья».

Милость судьбы нам просить бесполезно,
Я уж давно успокоил свой пыл.
Осень придёт, как всегда, неизбежно,
Вот по реке жёлтый листик поплыл.

Скоро их станет всё больше и больше,
Что бередить свою душу зазря,
Только б светило бы солнце подольше,
Лишь бы вставала пораньше заря.

Это сейчас мне и осень по нраву,
Раньше её я не очень любил.
Но мы давно перешли переправу,
Берег надежды в тумане уплыл.

Что остаётся в итоге едином,
Жить, как и жили, на этой земле
И провожать с улетающим клином
Годы свои, что исчезнут во мгле.

Пусть нелегко и забот не измерить,
Но и без них можно быстро сгореть,
Наперекор нужно в лучшее верить,
В звёздное небо почаще смотреть.

Что там и кто мы, песчинки, наверно,
Но и они оставляют следы.
Где-то, конечно, в глубинах вселенной,
Разум живёт, зеленеют сады.

Все там равны, нет ни бедных, ни старых,
Нет там больных, и бездомных там нет.
Нашим отцам между дел, в кулуарах,
Стоит подумать про этот аспект.

Стоит подумать, куда наша «тройка»,
Там ли приют наш и тот ли удел.
Дом ничего, но вид портит помойка,
Да постоянный во всём передел.

Не переделывать нужно, а строить,
С думой о людях, им так нелегко.
Эта московско-рублёвская совесть,
Лишь бы себе, а до нас далеко.

Кто это выдумал, кто отсобачил,
Со смеху куры в деревне умрут.
Вот ведь дела, ведь богатые плачут,

Деньги корманы нещадно им жмут.

В счётной полате считают дотошно,
Сами такие и Бог им судья.

Бродит июль средь лугов осторожно,
Лето кончается, скоро «Илья».

С Праздником Крещения

Вера нашей души

Сколько их позаброшенных
И зимой запорошенных,
Церковушек-часовенек
На великой Руси.
Головою склонённых
И в воде отражённых,
Их, Господь, от забвения
Сохрани и спаси.

В стародавнее время
Столь нелёгкое бремя,
Возводили по камушку
В древней русской глуши.
Колокольни и звонницы
В честь святой Богородицы,
В честь Николы Угодника,
Во спасенье души.

Ни татары, ни вольница.
Ни дожди, ни бескормица
И суровое время
Их свалить не смогли.
Только годы советские,

Времена соловецкие
Всё святое загадили
У родимой земли.

Купола обезглавили
И кресты переплавили,
Книги старословянские
И иконы сожгли.
Но святые затворники,
Правды нашей поборники
Православную веру
От беды сберегли.

Чтоб Россия воспрянула
Из-за тучь солнце глянуло,
Пусть звездою засветится
Вера нашей души.
Пусть живётся нам дышится,
Звон малиновый слышится,
А про беды и горести,
Ты Христу расскажи.

Поезда

Было так и не так, были травы в росе,
Соловьиная трель на вечерней зоре,
Не большой полустанок, вокзальчик пустой,
За горою деревня и лес молодой.

Было так, а теперь я сойду на перрон,
Как когда-то увижу развесистый клён.
За горою деревня всё так же стоит,
Да и лес всё по-прежнему, так же шумит.

Было так и не так, всё как будто тогда,
Только что-то ушло от меня навсегда.
Только что-то забыто из сказанных слов,
Видно много с тех пор пронеслось поездов.

Зарницы

Вдали замерцали зарницы,
Черёмухой пахнет земля.
Опять мне сегодня не спится,
Я вижу родные края.

Плакучая ива над речкой
Склонилась над самой водой,
Косою своею заплечной
Сплелась с прибрежной травой.

За полем белеют берёзы,
Слышна чья-то песня в лесу,
Пестреют цветы на покосах
И всем свою дарят красу.

И где-то кукушка кукует,
Кому-то считает года,
И кто-то о милом тоскует,
А кто-то забыт навсегда.

Вот солнышко красное село,
Камыш полусонный шумит,
Как будто бы речке несмело
Слова о любви говорит.

Вдали всё мерцают зарницы,
Ночь летом тиха и тепла.
Испить бы холодной водицы,
Что в нашем колодце была.

День Казанской иконы Божией Матери. Ярмарка

Когда мамы были молодые
И горел в окошке лампы свет,
Отмечали праздники святые
В деревнях, которых уже нет.

В те года обычай соблюдали,
Люди кто пешком, кто на коне,
Добирались к ярмарке, хромали,
Даже пусть не в ближней стороне.

В Горках отмечали Вознесение,
В Иловце гуляли на Илью,
А в Бубнове пили на Успение,
Дрались в Богородицу в Клину.

Не боялся наш народ работы,
Но и погулять всегда любил.
Отложив нелёгкие заботы,
Наряжался, пел, плясал и пил.

И однажды, трудно и представить,
До сих пор ту радость сохраняя,
Видно не с кем было нас оставить,

Мать взяла на ярмарку меня.
Шли пешком, по узенькой тропинке,
Как бы я сейчас по ней прошёл!
По пути отведали малинки,
Под берёзой три гриба нашёл.

Мама редко улыбалась вволю,
Трудно ей жилось, чего скрывать,
Но тогда смеялась, шла по полю,
Успевая и цветы срывать.

Отмечали, видимо, Казанскую,
Был июль, кончается покос.
Песню разудалую, цыганскую
Ветерок до нас шутя донёс.

Вот и Сопки, церковь с колокольной,
Весело, народ пришёл не зря,
Выглядит сытнее и довольней,
Гармонист играет Скобаря.

Из далёких деревень и ближних
Вкруг поляны веселился люд.
Недостатка не было в солистах,
Что душе угодно пропоют.

Сыпались частушки, пили, ели,
Гармонисты утирали пот.
Помаленьку всё же все пьянели,

Дальше начинался анекдот.
Поначалу мелкие раздоры
Быстро утихали на корню,
Но хмелел народ и чаще ссоры
Превращались в пьяную возню.

Кто хвалился силой несусветной,
У кого-то клинило мозги,
Кто-то был в начале друг заветный,
Стали вдруг заклятые враги.

Кто-то ревновал к столбу хозяйку,
Кто подраться очень уж любил,
Накатив изрядную порцайку,
Просто так у клуба парня бил.

Всё кончалось поголовной дракой,
В ход пускали цепи и колы
И попасть мог в эту бойню всякий,
Не щадящий буйной головы.

Разгонял всё это участковый,
Наставнёв, с усами, на коне,
Уважали, был мужик толковый,
Угощал нагайкой по спине.

Знали все его, не обижались,
В доску свой, но охранял покой,
По канавам пьяные валялись,

Вот проспятя и пойдут домой.
Вечерело, сделалось прохладно,
Мы на память фоткались втроём,
А фотограф помню в куртке ладной,
С аккуратным сизым фонарём.

Где та фотография, не знаю,
Первый раз снимался и замёрз.
Рот открыл, волнуюсь, ожидаю,
Думал птичка вылетит всерьёз.

Шли домой чужие и родные,
Время то уж не воротишь, нет.
Когда мамы были молодые
И горел в окошке лампы свет.

Люди и ветки

Ветки зелёные с листочками нежными
Плывут по реке, как будто бы прежними.
Кто-то и где-то сорвал их зачем-то,
Может нечаянно, может с невеждой.

Бросил их в речку, в водицу холодную,
Словно зарыл в землю плодородную.
Вот и плывут они вниз по течению,
Противореча любому стремлению.

Ни повернуть, ни застыть на мгновение,
Хозяин здесь ветер и речки течение.
Может подует одним дунавением,
Может и вырвет из злого течения,
А может и нет не захочет он дуть,
Может захочет в тени отдохнуть.

Им бы на берег, на поляны огромные,
Высушить солнцем листочки зелёные,
В землю зарыться, соку напитаться
И с новыми силами вверх устремиться.

Но не легко им одним, без вмешательства
И без какого-то соприкасательства,

На сушу попасть и снова прижить,
Корни свои в землю пустить.
Вот так и человек живёт и дышит,
Покуда мир оглох и Бог не слышит.
И в упоенье праздновать победу,
Домоклов меч остёр, прощенья нету.

На суше легче быть, поддержит что-то,
Опомниться, пока не сел в болото.
По жизни мы плывём, по речке ветки,
Но остаются нам одним, на сердце метки.

Свет родимых мест

Для души услады, для здоровья,
Чтоб зимой себя не обижать,
Говорила бабушка Прасковья,
Летом, внучик, некогда лежать.

Это вот сейчас в деревне пусто
И мычат коровки кое-где,
Без навоза не растёт капуста,
Все живут на городской еде.

Заросли травой печины наши,
Некому и не на чем пахать.
Выпила б сейчас я простокваши,
Что сливала поросёнку мать

Удивляюсь, вспомнив, как мы жили,
Как мы успевали делать всё.
И одежду ребятишкам шили,
И хозяйство берегли своё.

Летом сенокосы, огороды,
Утром бригадир стучит в окно
И не ждали милость от природы,
Будто все мы были заодно.

И на танцы сбегать успевали,
Пели ночью песни у реки.
Если нас чужие обижали,
Парни в ход пускали кулаки.

А какие ночи были светлые,
Соловьёв наслушаешься власть.
Не заметные часы рассветные,
Только ляжешь и пора вставать.

Это вот сейчас в деревне скучно,
Только Ванька пьяный и орёт.
Говорит, доказано научно,
Что талант свой голос не пропьёт.

И семью замучил, и собаки
Воют, когда он берёт низы.
Сдал в приёмку вёдра, ванны, баки,
Скоро вслед отправит и тазы.

И людей, как будто подменили,
Все закрылись в норах, будто спят.
В магазин с соседкой мы ходили,
Видели лишь несколько ребят.

Обкосить не могут вокруг сада,
Или пьют, или старуху ждут,
Та обкосит, ей платить не надо

И дома кустами заростут.

Вспоминаю часто вечерами
Свою жизнь на этой вот земле.
Счастье унесло давно ветрами,
Не вернётся, кануло во мгле.
Старенький альбом листаю, плачу,
Просто так, без слёз, которых нет.
Может быть сложилось и иначе,
Только жаль своих ушедших лет.

Где-то поезд прогудел протяжно,
Разбудил живое всё окрест.
Я подумал, видно в жизни важно,
Чаще видеть свет родимых мест.

Сенокосная пора

Лето быстро пролетит,
Вот июнь уж на исходе.
Жизнь на месте не стоит,
Всё изменчиво в природе.

Сенокосная пора,
Утром травы моют росы,
Дуют ласково ветра
И волнуются покосы.

Запах мёда и цветов
Им никак не надышаться,
В скуке зимних вечеров,
Будет долго вспоминаться.

Тихий вечер с моей Валюшкой

Тихий вечер за окном,
Солнце медленно садится.
Посидим с тобой вдвоём,
Помолчим, как говорится.

Подивимся на закат,
На ромашковое поле,
Кто же в этом виноват,
Что не весело нам боле.

В суете житейских дел,
Время быстро пролетело.
Я давно уж поседел,
Да и ты не молодеда.

Были в жизни сентябри,
Были синие апрели,
Были злые декабри
И февральские метели.

Сколько утекло воды
В нашей жизни безвозвратно,
А за что любила ты,
До сих пор мне не понятно.

Я сейчас себя кляню,
У любви такая сила.
Крепко-крепко обниму,
Чтобы ты за всё простила.

А придёт разлуки час,
Я глаза на век закрою,
Вспоминая каждый раз,
Знай, душа моя с тобою.

Тихий вечер за окном,
Солнце медленно садится.
Посидим с тобой вдвоём,
Помолчим, как говорится.

Когда уходят поезда

Когда уходят поезда
В далёкие края,
Горит полночная звезда,
Грустит душа моя.

О тех не сбывшихся мечтах,
Что помогали жить,
О тех потерях и словах,
Что мне не позабыть.

Увозят близких и родных
И часто навсегда,
И не привыкнуть жить без них,
И в сердце пустота.

Увижу дальний берег свой,
Где мы с тобой росли,
Жизнь промелькнёт передо мной,
Аукнется вдали.

Так станет пусто, что перрон,
Качнётся в темноте.
Вот был бы это просто сон
И снова вместе все.

Чтобы услышать звук баяна,
Спеть песню вчетвером,
Всё отдал бы я без обмана,
Не пожалел о том.

Увы, реально всё иначе,
Ту жизнь не возвратишь,
А сердце всё равно заплачет,
Ему не запретишь.

Когда уходят поезда
В далёкие края,
Мерцает синяя звезда,
Грустит душа моя.

И долго видится в ночи,
Как будто чей-то взгляд,
Три, будто призрачных, свечи
Рубиновых горят.

То, что видел ты.

Дорога у порога, просёлочная пыль,
Простите, ради Бога, за этот старый стиль.
Но это так и было, прощай родимый дом
И сердце вдруг заныло о старом, о былом.

Когда назад вернёшься не знаешь, не гадай,
А если сковырнёшься, ведь едешь в дальний край.
Быть может где-то стынет наостренная сталь
И у тебя отнимут полуденную даль.

Ну, что же, оставайся, в калитку постучи,
Пока ещё не поздно, остаться на печи.
И потекут, как прежде, унылые деньки,
И можно не бояться тебе чужой руки.

Но ты, когда-то видел большие города,
Просторы необъятные, тугие провода,
Степные нивы тучные, таёжные костры,
Зовут к себе знакомые и новые миры.

И дом родной покажется пылинкой в мирозданье,
И слёзы материнские не сдержат раставанье.
Осталась у порога просёлочная пыль,
Встречай меня дорога, встречай степной кавыль.

Промили

А что у вас, а что у нас,
Во всю к работе рвение
И спросом пользуется квас,
И водка, без сомнения.

Июньским, солнечным деньком,
Пропалывая грядку,
Себя порадовать кваском
Так хорошо с устатку.

Но можно силы поберечь
И отдохнуть подольше.
Зажечь костёр, картошку печь,
А закупать всё в Польше.

Рюмашку можно пропустить,
На воздухе полезно,
Не плохо рыбку поудить,
Если на даче тесно.

На водоёме хлопнуть две
За первую плотвину,
Потом ещё налить себе
За жёнушку Марину.

За ясный день, за облака,
Как не отметить это,
За то, что не болит нога
И что в разгаре лето.

Вот так причин, чтобы налить,
Всегда найдётся много.
И можно даже позабыть,
Что впереди дорога.

А утром, выйдя на крыльцо,
В распахнутые дверки,
Почувствуешь своё лицо,
Что не в своей тарелке.

Ну что ж, как водится, пивком
Момент усугубили,
Садись за руль, да и потом
Допущены промили.

Почти до гаража доплыл,
Жигуль пора на мыло,
Чуть-чуть старушку зацепил,
Ей и того хватило.

Откуда, что, да почему,
Сказали всё промили
И срок не маленький ему

Они усугубили.

Как часто вспоминал тот день
И там, и после сидки,
И сразу наплывала тень,
И рвались нервов нитки.
Как просто всё и тяжело,
А жизнь и не заметила,
По сердцу, что-то пролегло
И на душе отметина.

А что у вас, а что у нас,
Жара на удивление
И спросом пользуется квас,
И водка без сомнения.

Гроза

Был жаркий день, как говорится, парило,
Искали все спасительную тень.
Вдали висело и мерцало марево,
А в голове сплошная дребедень.

Был горизонт необычайно светел,
Как говорят, на море, полный штиль,
Лишь изредка подует тёплый ветер,
Не освежит, а лишь поднимет пыль.

Но вот с обеда небо засинело,
При солнце туча кажется темней
И в воздухе заметно посвежело,
И зелень стала будто зеленей.

Пророкотали первые раскаты,
Затихло всё, не шелохнётся лист,
И резче стал душистый запах мяты,
Нежнее пахнет молодой нарцисс.

Закапал дождь, стуча по низким крышам,
Потом сильней пошёл он и сильней,
И вот мы все сплошным озоном дышим,
Ручьи несутся мимо всё быстрей.

Гроза ещё немного поворчала,
Дождь всё помыл и щедро всё полил.
А радуга два берега связала,
Который есть и тот который был.

Летние ветра детства

Мы с детством связаны незримой нитью памяти,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.